

И действительно, *Мухаммед* предвидел последующую судьбу своего учения. Если близкие его сподвижники, будущие праведные халифы, стремились воспроизвести и зафиксировать письменно сохранившиеся в памяти слушателей проповеди пророка, то позднее adeпты ислама, менее трепетно и более прагматично относившиеся к слову Предания, стали толковать его по своему. Каждая секта, школа, партия претендовала на то, что именно она обладает правом на истинное понимание учения, а придумано здесь за пять веков после смерти Мухаммеда было много. В этой ситуации можно было бы последовать совету автора известного тогда сочинения «Кабус-намэ», который наставлял своего сына при выборе профессии помнить, что наилучшая из них — богословие, так как она гарантирует безбедную жизнь на земле, а затем и пребывание в раю. Газали же не мог Довольствоваться таким простым решением, ему была нужна истина. Погружаясь в «трясину темных вопросов», бросаясь навстречу трудностям, он старался разобраться в разных учениях, °тсечь истинное отложного. При этом Газали не побоялся прибегнуть к по-

рицаемому исламом методу сомнет в имеющемся знании, чтобы после до(кональной проверки на прочность прі нять его или отвергнуть.

«Теперь, когда меня постигло раз< чарование, у меня не остается ННОИ способа достижения достоверного зга ния, как приобретение его из самооч* видных вещей, т.е. из данных чувс! и их принципов, носящих необход* мый характер...

Задавшись такой целью, я начал величайшим усердием анализирова! чувственные данные и положения, дс бытые умозрительным путем, и СНОИ реть — не могу ли я заставить себя пол вергнуть их сомнению. В результа! долгих размышлений, когда я заставляя себя сомневаться в этом, я пришел тому, что не могу себе позволить пс ложиться также и на данные чувств, сомнение мое в отношении последни стало расти все больше и больше...